

Новиков Александр

Мужчина для Ани

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Н73

Н73 **Новиков Александр**
Мужчина для Ани / Новиков Александр – М.: Книга по Требованию,
2012. – 64 с.

ISBN 978-5-458-04338-0

ISBN 978-5-458-04338-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Андрей Константинов
Александр Новиков
Мужчина для Ани

Глава первая

В ТОТ ДЕНЬ ШЕЛ ДОЖДЬ

Когда Анна Николаевна наконец замолчала, Купцов спросил у нее.

– А сколько все-таки она стоила, Анна Николаевна? Вы несколько раз сказали: дорогая вещь, но не назвали конкретной цены.

– Я, право, в затруднении, – ответила она тихо.

– Я понимаю, – сказал Купцов и посмотрел на фотографию. – Я понимаю – вещь старинная, дорогая и, как принято говорить, цены ей нет. Цену, однако ж, всякая вещь имеет. Увы, Анна Николаевна, увы... проза жизни. Но мы люди приземленные и хотели бы знать цену.

Посетительница молчала, глядела на Купцова глубокими серыми мазами... Под глазами лежала синева, явственно пробивающаяся сквозь легкий загар. Посетительница молчала, и тишина висела, будто забытая шинель на гвозде в пустой комнате дома, предназначенного под снос.

– Ну так что же, Анна Николаевна, – сказал Петрухин, – какова цена вашей бесценной сабли?

Она пожала плечами. Вместо нее ответил Петр Николаевич.

– Видите ли... – сказал он и замолчал на несколько секунд. – Видите ли в чем дело, господа... Сабля дорога сама по себе как произведение ювелирного и оружейного искусства... В оформлении эфеса нет драгоценных камней, да и золота совсем немного. Но это уникальная работа. Иран, вторая половина восемнадцатого века. Вы понимаете, господа?

– А все-таки – сколько? Хотя бы приблизительно.

– Э-э... как минимум, тысяч шестьдесят, – сказал Петр Николаевич.

– Две тысячи баков? – разочарованно сказал Петрухин.

Посетители изумленно посмотрели на него.

– Шестьдесят тысяч долларов, Дмитрий Борисыч, – тихо сказал Петр Николаевич.

Анна Николаевна кивнула и заплакала.

Купцов:

Тот день начинался, как сказал бы мой партнер Петрухин, творчески. Я собирался заняться зубами и на службу с утра не пошел. Настроение было, конечно, так себе – с детства эти стоматологические приключения не люблю, но деваться было некуда, и я, собрав-

шись наконец, решил поправить зубки.

Не тут – то было! В тот момент, когда я собирался выйти из дому, запиликала труба... и дернул меня черт отозваться! Я отозвался и услышал голос своего партнера:

– Ты уже в пыточной? – спросил Димка. А я, чтобы не давать ему повода для радости, ответил, что нет, я не в пыточной, я дома.

– Тогда, – сказал он, – пулей лети в универсам, к Комарику.

– С чего бы это вдруг? – спросил я.

– Они там бабенку на краже прихватили.

– Ну и что дальше?

– А то дальше, что эта тварь – супруга вице-губернатора. Понял? Давай быстрее, а я тоже подтянусь.

Вот так вместо поликлиники попал в настоящую пыточную. Мой «непосредственный начальник» Иван Иванович Комаров лично задержал вице-губернаторскую супружницу... Был господин Комаров, как водится, нетрезв баллов этак на пять по десятибалльной шкале и умудрился не только задержать госпожу Х., но и оставил на нежной ее руке хорошенькую гематому. Мне Иван Иваныч по секрету сказал:

– Да это ты, Леонид, еще не видел, какие она тут понты кидала. Ва-аще пальцы гнула веером, тварь такая... Как она стала орать: я, мол, вас всех посажу, – так уж я хотел ей прям по сусалам впендюрить... да сдержался. Пересилил, понимаешь, себя.

– Ну надо же, какая у тебя, Иван Иваныч, сила воли, – позавидовал я, сам еле сдерживаясь, чтобы своему начальнику «прям по сусалам не впендюрить». Вообще-то ситуация с кражами в универсаме – большой вопрос. Ни охрана, ни видеокamеры не спасают, и фирма постоянно несет известный процент потерь... Однако это вовсе не основание ставить синяки покупателям. Независимо от того, кто у них супруг – вице-губер или слесарь-сантехник. И процедура действий тут известна: прихватили воришку – вызывай милицию. А уж их право (и обязанность) задержать и возбудить уголовное дело по сто пятьдесят восьмой, первой – кража... Это тем более легко и «естественно», что взаимоотношения с местным отделением у нашего Комара отличные, скрепленные не одним ящиком совместно выпитого. Но как только начальник отделения узнал, кого и как задержал его собутыльник Комаров, он сразу сказал: на хер, ребята. Сами разбирайтесь. Вы меня в такие дела не втягивайте, мне до пенсии полтора года... вот так. А мадам, конечно, в крик, что колготки и дезодорант в отделе промтоваров она положила в сумочку машинально. И про них, соответственно, забыла. И еще она

кричала, что всех пересажает, что универсаму этому больше не торговать, что ее муж в дружеских отношениях с Костей М. и теперь всем пришел п...ец. А уж Комарову – обязательно.

К моему приезду Иван Иванович с перепугу уже основательно протрезвел, но перед этим успел провести досмотр сумочки и поставить мадаме кровоподтек на запястье... Получив первую информацию, я быстренько взял мадам в оборот. Ежели бы «мудрый опер» Комаров не был алкоголиком и хоть немножко соображал в нашем ремесле, он бы и сам заткнул пасть этой оборзевшей барыньке с замашками рыночной торговки. Но ремесла Комар не знал, от пьянки давно уже деградировал и ничего не мог противопоставить напору вице-губернаторши. Я поставил эту дрянь на место за пять минут, объяснив, что есть видеозапись того, как она совершила кражу. Да, да, именно кражу, так как на кассете четко видно, что дражайшая Елена Ивановна сначала озирается по сторонам, потом прикрывает сумочкой снятый с прилавка товар и так далее... Хотите посмотреть? Если этого мало, Елена Ивановна, то у нас есть не менее десятка свидетелей того, как вы сгоряча хвастались дружбой вашего мужа с известным криминальным авторитетом.

Так что, конечно, Елена Ивановна, вы можете написать заявление в милицию о причиненном вашему здоровью ущербе. Вы можете обратиться в прессу (мы живем в демократической стране) с рассказом о том, как здесь над вами измывались. Вы можете даже обратиться к Константину М. Но и мы оставляем за собой право воспользоваться видеозаписью так, как посчитаем нужным. То есть передать ее в милицию, в прессу и Константину М.

К тому моменту, как в универсам приехали вице-губер и мой напарник Дима Петрухин, стерва уже отказалась от каких бы то ни было претензий... Кстати, при стоимости похищенного в четыреста с небольшим рублей у вице-губернаторши были с собой две с половиной тысячи рублей, около четырехсот долларов и карта «Мастер-карт». Вот и объясни, почему эта мадам позарилась на грошовый ширпотреб... Кто-то скажет: может быть – kleптомания? Может быть. Все может быть. Но я за шестнадцать лет работы на следствии что-то ни одного kleптомана не встретил. Ворья – полно. Но воруют они все-таки не из-за некой экзотической хворобы, а по более реальным соображениям: кто на хлеб, а кто на водку.

В общем, день начался хреново. И в том же духе продолжился – в стоматологии на проспекте Науки мне выдернули два зуба. Так что на службу я приехал слегка одуревший и от самой процедуры, и от новокаина. Губы у меня были как две сосиски из морозилки, и го-

ворил я так, что любой логопед признал бы меня своим пожизненным клиентом. Димку это здорово забавляло.

А меня нет. Непрушный день, он и есть непррушный день. Изменить в нем, как правило, ничего нельзя. Можно только надеяться, что завтра все будет по-другому.

Примерно так я и думал, настраивался как-нибудь перекантоваться и не знал, что сегодня нас с Димкой ожидает еще один сюрприз.

Петрухин:

Я вот давно заметил, что ежели день начался хорошо, то он так и дальше катится. С утра я подвез классную мамзель и договорился с ней поужинать. На службу я из-за нее, конечно, опоздал, но Купец с утра тоже отсутствовал, так как затеял изменить свой стоматологический статус. Поэтому никаких угрызений совести я не испытывал. Я попил кофе с тетками из бухгалтерии, рассказал им два приличных случая «из жизни оперуполномоченного» и три неприличных анекдота... получил свою порцию славы и внимания. После этого быстро слинял: три незамужние тетки под сорок – это опасно... о, как это опасно!

Но коли день идет хорошо, то он идет хорошо. Как только я утек от бухгалтерш, позвонил полковник Комаров. Отчасти трезвый, но по голосу – обосравшийся. Да и было отчего. То, что он там, в своем универсаме, отмочил, ни в какие ворота определенно не лезло. Я подумал, что сглазил кайфовый денек и теперь надо ехать в универсам, разбираться с этой вице-губеровой сучкой... Тьфу! Сглазил...

Но, повторяю, коли день идет хорошо, то уж он идет хорошо. Я вспомнил про напарничка и про то, что ему до универсама три минуты езды, а не тридцать, как мне. Лишь бы он дома был... Так и оказалось – Ленчик был еще дома, и я ловко перевел стрелки на него.

Потом я вторично отыгрался на Ленчике – когда он от стоматолога вернулся... Ну это ему за дело. За то, что он надо мной изгалялся, когда мне в Твери макияж экзотический наложили... Пустячок, а приятно. Потом была еще одна «приятность»: пришел Брюнет и сказал:

– Ну все, Комарова я увольняю. С меня, блин, хватит. Раньше он только трезвый инициативу проявлял... А поскольку это случалось нечасто, то особых жертв и разрушений не было. Но теперь же он, собака, совсем поля не видит, того и жди под монастырь подведет... Возражения есть?

– Не-а, – сказал я. – Бей Комара, трави гада репеллентом.

– Шоглашен, – с трудом выдавил мой партнер.

Брюнет про Ленкины замороженные губы не знал, а потому удивился и спросил: чего это, мол, ты, Леня, еле мычишь?... Ленка только собрался ответить, но я опередил и объяснил, что Ленчик – скрытый внутренний диссидент, носит всегда фигу в кармане, критикует все решения руководства, вошел в тайный сговор с полковником Комаровым... Вот потому-то, Вить, он и выпендривается, и разговаривает с нами «через губу»: шоглашен... Надо его, на хрен, на пару с Комаром уволить. Брюнет ничего не понял, сказал: ну-ну, – и ушел.

А под вечер выложил нам сюрприз. И вместо ужина с мамзелью я попал на глухарек.

Вечером, когда из офиса ушли уже почти все сотрудники, и инспектора СБ Петрухин и Купцов тоже собрались домой, в их кабинет вошла секретарша Голубкова Леночка.

– Ага, – сказала Леночка, – попались... Вас, господа сыщики, хочет видеть босс.

– На фигу это? – спросил Петрухин. Он стоял перед зеркалом и завязывал галстук.

– Что-то случилось? – спросил Купцов. Губы уже отошли от новокаина, и говорил он вполне сносно.

– Не знаю, – ответила Леночка. – Сказал, что если вы еще здесь, то непременно и срочно к нему. У него там какие-то мужчина и женщина... Оч-чень шикарные.

Партнеры переглянулись с кислым видом: похоже, к Брюнету закатились вице-губер с супружницей... Петрухин мигом подошел к окну, раздвинул жалюзи и оглядел стоянку. Автомобиля с мэриевскими номерами не увидел. Хотя нельзя было исключить и того, что вице-губернаторская «вольво» прячется за «фердинандом», либо «мерсом».

– Ладно, – сказал Петрухин, – пойдем, на месте узнаем, что к чему.

В кабинете Брюнета сидели мужчина и женщина. Настолько похожие друг на друга, что не было никакого сомнения – брат и сестра. У обоих – пепельные волосы и серые глаза. Оба, как сказала Леночка, «очень шикарные». Купцов определил про себя по другому – стильные.

– А вот и мои сыщики, – произнес Брюнет. – Позвольте я вас познакомлю...

Женщину звали Анна Николаевна, и руку она протягивала так,

как для поцелуя. В ней безусловно был шарм. Или, если угодно, ПОРОДА. И красота, которая казалась отстраненной, живущей сама по себе.

– Весьма рад, – сказал Купцов.

– Петрухин, – сказал Петрухин. – Очень приятно.

Про утреннюю мамзель Дмитрий уже забыл.

Мужчину звали Петр Николаевич Московцев, на вид ему было около тридцати пяти. Его костюм, манера держаться и говорить наводили на мысль о дипломатическом ранге или о неких аристократических корнях... Позже именно так все и оказалось. Или почти так.

– Петр Николаич, – сказал Брюнет, – наш деловой партнер, эксперт по Скандинавии... Тут, видите ли, вот такая проблема...

Эксперт по Скандинавии нервно улыбнулся и опустил в кресло. Он явно был возбужден, не особенно-то и пытался это скрыть. Он опустил в кресло и взял в руки бокал с виски.

– ...тут, видите ли, вот такая проблема, – сказал Брюнет и задумался.

– Пропал человек, – вставила вдруг Анна Петровна.

– Аня! – быстро произнес Петр Николаевич. – Очнись, Аня! Подумай, что ты говоришь... пропала музейного уровня сабля. Восемнадцатый век!

– Господи, Петя, – сказала она и, закрыв лицо руками, заплакала.

Петр Николаевич сделал большой глоток виски и посмотрел на сестру так, как смотрят на слабоумных: с оттенком сострадания, но основным фоном все-таки остались брезгливость... и презрение.

– Позвольте, Виктор Альбертович, – сказал эксперт, – я сам введу... э-э... господ сыщиков в суть дела.

– Господа, – сказал Петр Николаевич, – произошло крайне при-
скорбное событие... Моя сестра... э-э... моя младшая сестра стала жертвой преступления.

– Петя! Господи, Петя...

– Да, да. Жертвой преступления. Собственно говоря, жертвой стала не только она, но и я тоже. Поскольку пропавшая реликвия принадлежала нашей семье более двух веков. Это, извольте видеть, сабля. – Петр Николаевич протянул Петрухину старинный и толстый альбом с золочеными буквами «PARADE ARMS OF THE 17th-19th CENTURIES» {"Парадное оружие XVII-XIX веков" (англ.)}. – Извольте открыть страницу восемьдесят три.

Петрухин довольно быстро нашел нужную страницу. Это было легко, так как там лежали закладка и пожелтевший лист бумаги с

машинописным текстом. Петрухин впился взглядом в рисунок на восемьдесят третьей странице. На высококачественной глянцевой бумаге были тщательно, можно сказать – любовно, нарисованы сабля и ножны. Ниже шел текст на английском языке. В английском (как и во всех остальных европейских языках) Дмитрий был не очень силен. Он обернулся к Купцову, которому отдал бумагу с текстом:

– Что там у тебя, Леонид? Переводец?

– Да, – ответил Купцов и передал Димке бумагу.

Бумага была рыхлой, желтой, а шрифт у пишущей машинки – старомодный. Петрухин видел такой только в архивных делах пятидесятих-шестидесятых годов. Дмитрий взял бумагу, прочитал:

"Сабля и ножны.

Санкт– Петербург. Частная коллекция г-на Московцева. Вторая половина XVIII в.

Клинок. Иран. Середина XVIII в.

Мастера по выковке клинка Ахиджан и Хасан.

Булат, дерево, золото, серебро, кожа, ткань.

Ковка, насечка, гравировка, золочение.

Длина 116,5 см.

В восемнадцатом веке сабля являлась довольно распространенным видом холодного оружия в России. Бытовали разные формы сабель как русского производства, так и иностранного. На Востоке русскими закупались в большом количестве клинки из высокоуглеродистой булатной стали, имевшие великолепные боевые качества. Русские оружейники использовали их для изготовления парадного, богато оформленного оружия. В представленном образце необычен булатный клинок иранской работы с четырехгранным штыкообразным острием, дававшим возможность наносить не только рубящий, но и колющий удар. В обухе клинка прорезан глубокий желобок, в котором перекатываются жемчужинки, издающие при ударе особый свистящий звук. Нижняя часть клинка богато декорирована растительным орнаментом, насеченным золотом.

Монтировка сабли русская. Мастера использовали золоченое серебро с гравированным растительным узором. Найдено своеобразное решение оформления ножен сабли: к фигурной оправе добавлена узкая серебряная лента, обвивающая поверхность светло-коричневой кожи".

Прочитав, Петрухин покачал головой и сказал:

– Да-а... такой штуковине место в Оружейной палате.

Петр Николаевич сверкнул глазами и ответил:

– Такой ШТУКОВИНЕ, Дмитрий Борисыч, место у нас дома, на

Пестеля. Где она и хранилась более двухсот лет.

– Пардон, – буркнул Петрухин.

Анна Николаевна тем временем перестала плакать, а Купцов вернул альбом и спросил эксперта скандинавского:

– Значит, у вас украли эту саблю?

– Какое там «украли»? – махнул рукой Петр Николаевич. – Хуже.

– Ограбили?

– Еще хуже, Леонид Николаич... Сестрица моя сама прямо в руки подонку сабельку-то отдала.

– Петя!

– А что – «Петя»?! Что – «Петя»? Ты, конечно, меня извини, сестрица, но такой дурости я от тебя не ожидал, – ответил Петр Николаевич. – Считаешь, что я не прав?

– Да, Петр, ты категорически и катастрофически не прав. И позволь, я сама расскажу о нашей проблеме.

Эксперт пожал плечами.

Анна:

– Я не понимаю, почему мы говорим о сабле... То есть я не понимаю, почему мы говорим только о сабле, забывая, что пропал еще и человек. Как будто сабля... Ради Бога молчи, Петр! Я умоляю тебя – молчи!... Дай мне рассказать, что на самом-то деле произошло. Почему же зашоренные вы все такие? Подозревающие всех подряд. Так нельзя жить. Так – не правильно, нечестно, нехорошо... Мы все живем так, как будто черновик пишем и пометки наши никакого значения не имеют, – мы же все потом перепишем на белом! Но так не бывает. Так не бывает, господа! Жизнь одна человеку дана, и день, который ты сегодня прожил недостойно, грязно, с пометками, таким навсегда и останется... перебеливать его нельзя. Но мы об этом совершенно не думаем. Мы думаем: вот завтра... завтра я заживу совсем по-другому. Но наступает завтра... послезавтра... послепослезавтра... а мы все пишем свой черновик и продолжаем обманывать себя...

Да, да, Петя... я, конечно, отвлеклась... я прошу прощения. Я соберусь сейчас и все расскажу... про Андрея... и про саблю, будь она неладна.

...В тот день шел дождь. С утра шел дождь, и мои девчонки заныли: ну что это такое? Как дело к выходным – дождь, дождь... А я люблю, когда дождь. Санкт-Петербург – город дождя, неполированная солнечность для него противоестественна и более похожа на румянец у чахоточного. Я так своим девочкам и сказала. Они хорошие девочки – умненькие и со вкусом... А у меня они недавно ра-